



*В книге содержатся упоминания алкоголя и курения,
обусловленные авторским замыслом.
Издание не пропагандирует данные практики и напоминает,
что курение и распитие алкоголя вредно для здоровья.*

Копирование, тиражирование и распространение материалов, содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения правообладателей.

РИ ГУВА

ЧЕРНЫЙ БЕЛЫЙ



Москва

2026

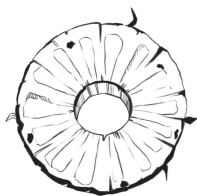
*Моим родителям, создавшим меня
с таким богатым воображением.*

Моему Владу, рьяно меня оберегающему.

Моим друзьям, искренне радующимся за мои успехи.

*Моему храброму Каеньке, который подарил
мне всю свою жизнь.*

И мне. За сумасшествие.



ГЛАВА 1

— Мам, вставай!

Что следовало взять с собой?! Только самое необходимое. Но для начала нужен свет, чтобы не собираться в темноте. Слава богу, сегодня ночью он был.

— Что? — Мама зажмурилась от вспыхнувшего яркого света. — Что случилось? Что ты делаешь?

Вопрос остался без ответа, так как я уже запихивала в сумку все, что попадалось под руку.

— Прошу тебя, мам, я объясню все позже, но сейчас нам нужно уйти.

— Лекса, ты с ума сошла?! Что ты делаешь? — Она уже открыла глаза и гневно взирала на меня. В детстве я очень боялась такого ее взгляда, ведь он не предвещал ничего хорошего.

Бросив сумку на пол, я подбежала к ней. В это время Дэйтон начал постанывать и ворочаться на своем матрасе в другом углу комнаты.

— Мам, послушай! Нам нужно срочно уходить! Пожалуйста! Просто... ты можешь просто довериться мне? Пойдем!

На разговоры не было времени, тем более я знала, что одним объяснением тут не обойтись. При всем своем уважении к законам Сферы, мама придет в ярость, когда узнает, что случилось.

— Что ты сделала?! — Кажется, до нее дошло. — Лекса, что ты натворила?!

К счастью, она хотя бы встала с матраса. Пока мама гневно испепеляла меня взглядом голубых глаз, я честно не понимала, почему нельзя просто довериться родной дочери?! Дэйтону она всегда верила, что бы он ни ляпнул.

— Я пытаюсь спасти брата.

— Каким образом?! Убегая из нашей квартиры?

— Мы не из квартиры убегаем, мам! Мы убегаем из Сферы.

Оглушительная тишина, будто гром, ударила по комнате. Мамины глаза стали круглыми, а ее дыхание мог услышать даже глухой.

— Алексия Ройс! Ты сейчас же остановишься и скажешь, что, черт возьми, случилось?! — Если мама повысила голос, то мне стоит помолиться, чтобы брат проснулся, и как можно скорее.

Если сказать ей, то будет бешеный скандал. А если не сказать, то она не сдвинется с места. Что ж, первый вариант показался мне наименьшим из зол.

— Я украла кое-что... из больницы... для Дэйтона. И так вышло, что меня увидели. И теперь вопрос времени, когда они опознают меня по камерам и придут сюда.

Столько чистого ужаса в глазах мамы я никогда не видела. Мне даже на секунду показалось, что это я целиком и полностью виновата во всех наших бедах, в нашей жалкой жизни и даже в самой Катастрофе, которая обрушилась на мир двадцать два года назад. Я даже на секунду испугалась, что мама сейчас ударит меня, но, к счастью или сожалению, у нас не оставалось на это времени. Необходимо собрать вещи и уходить, пока мое лицо не включили в список преступников во всех базах Сферы.

Я уже положила немного одежды, щетку и пасту. Собственно, это и были все мои вещи. Да еще фона-

рики: три штуки, как полагается, на каждого члена семьи по одному.

Повернувшись к маме, я разочарованно вздохнула, так как она даже не шелохнулась. Она просто стояла на том же месте, и единственное, что изменилось, — это взгляд: из осуждающего он превратился в испуганный и пустой. А руки безжизненно повисли вдоль тела.

— Мам, давай ты потом поддашься эмоциям и все мне выскажешь, когда мы будем в безопасности, потому что сейч...

— Какого черта тут происходит? — раздался хриплый голос проснувшегося Дэйтона.

Когда я посмотрела в его глаза, сердце кольнуло. Они были воспаленными, будто он плакал, хотя я знала точно: мой брат не делал этого... никогда... наверное, даже когда был маленьким. Хотя сейчас я бы только порадовалась, что мой девятнадцатилетний брат рыдал в подушку, чем приняла реальную причину его больного вида.

Согласна гореть в аду за то, что поднимаю его с пневмонией, но другого выхода не было. Брат тоже под угрозой. Информация о том, что Дэйтон тяжело заболел, хранилась в базе Сферы, поэтому сомнений ни у кого не возникнет.

— Прости, Дэйтон, но нужно уйти подальше, насколько это реально. Безопасники, возможно, уже ищут нас.

Мыслительные процессы отразились в его недоуменном взгляде, а я достала из кармана три баночки и одну бросила брату.

За несколько секунд его лицо превратилось из вымученного сонного в напряженное. Он сразу же откинул одеяло и начал натягивать уличную одежду. Я видела, что ему больно и плохо, но сейчас гордилась им и мысленно поблагодарила за поддержку, когда он открыл баночку с таблетками и проглотил одну, продолжая совать ногу в штанину.

— Мы с Дэйтоном никуда не пойдём! — надменно заявила мама. — Если ты что-то натворила, мы сможем договориться. Ты сдашься отделу безопасности, и они все поймут. Дэйтон! Ложись обратно! Тебе лучше лежать!

Брат не обратил никакого внимания на ее слова и вместо того, чтобы лечь обратно, протянул ей рюкзак. Мама так удивленно уставилась на его вытянутую руку, что Дэйтон закатил глаза и хрипло сказал сквозь кашель:

— Мам, если ты собираешься идти в ночной рубашке, я не против, но, скорее всего, ты замерзнешь. Собери рюкзак, пожалуйста. Мне нелегко часто наклоняться.

Мама сдалась. Дэйтону всегда удавалось добиться от нее своего одним только словом... в отличие от меня. У нас с ней всегда чего-то не хватало в отношениях. Чего-то близкого.

— Но, сын! Ты нездоров! Тебе нужно отдыхать. И мы не можем уйти из Сферы. Это же просто... невозможно, уму непостижимо! Это безумие! — прошептала мама с непомерным страхом, а потом ее голос стал еще тише. — Мы же умрем там...

— Мам, мы умрем здесь, если останемся. Сфера никогда не простит... Черт, да они даже не попытаются что-то понять! — воскликнула я.

Меня всегда бесила ее чрезмерная покорность нашей «безупречной» системе, но это уже слишком. Эта женщина как никто другой знала, что любое преступление карается смертью. Даже кража спички привела бы к казни. Что уж говорить про таблетки от пневмонии!

— Лекса, ты ненормальная! Будь ты послушной, ничего такого бы не сделала. Это ты во всем вин...

— Если бы я этого не сделала, то Дэйтон бы умер!

— Хватит, пожалуйста, все с этой гребаной ситуацией понятно! — взбесился Дэйтон, несмотря на недопомогание. — Мы уходим, мам! Собирайся. Потом пообсуждаем, если тебе захочется, а сейчас уходим!

Она окончательно сдалась: взгляд потускнел, губы поджались. Если мама сейчас разрешится, то придется силком тащить ее отсюда. К счастью, до этого не дошло.

Подняв свои вещи, мама ушла в ванную комнатку, а мы с Дэйтоном принялись собирать его одежду. К моему облегчению, он набирался сил. Болезнь уже долгое время властвовала над ним, но брат был достаточно крепким, чтобы не обращать внимания на ломоту в теле. Хотя кашель, регулярно вырывающийся наружу, заставлял мое сердце обливаться кровью.

Наши ничтожные пожитки вызвали и грусть, и смех. Дэйтон не забыл про воду и контейнеры с едой. Их было не так уж и много.

К тому времени, когда заплаканная мама вышла из ванной в темных брюках, черной водолазке и стареньких кроссовках, которые она бессменно носила уже лет десять, наверное, мы уже собрали остальные ее вещи.

Ее слезы я понимала. После Катастрофы Сфера стала для нее спасением, и за двадцать лет она ни разу не вышла за пределы стен. А еще я понимала, что позже мы непременно вернемся к обсуждению меня и моей безответственности.

— Все готовы? — спросил брат, мельком глянув на потускневшую маму. — Тогда выходим.

Нацепив на спину сумку, я последней направилась к двери, но обернулась.

Сейчас я видела эту комнатку с одним окном и дверью в ванную в последний раз: стены обшарпаны, а пыль на занавесках можно увидеть невооруженным глазом. Три матраса, три подушки, три одеяла. Несколько старых коробок от еды и какие-то старые бумажки. Меня обуяли странные чувства: смесь холодного равнодушия, печали и облегчения.

И в голове тут же всплыл образ папы. Мне хотелось верить, что, будь он сейчас с нами, с радостью убежал бы из Сферы. Он ее ненавидел, но ему приходилось жить

здесь, потому что других городов больше не было. А папа боялся того, что снаружи. Мы все боялись. Ведь то, что нам рассказывали про мутантов за стенами, казалось верной гибелью. И сейчас мы направлялись именно к ней.

Я захлопнула дверь. Дверь не только в мой дом, но и в прошлое с дерьмовой жизнью.

Прощай, милый дом! Возможно, следующие хозяева будут ценить тебя больше, чем я...

— Как ты планируешь выбраться наружу? — шепотом спросил Дэйтон, пока мы оглядывали прилегающие дороги с нашего заваленного крыльца.

Комендантский час уже давно наступил, но в данный момент патруля на нашей улице не было.

— Пролезем через ту дыру, о которой говорил Стив. Ну, помнишь?! Через которую они выбегали наружу, чтобы увидеть уродов. Она недалеко ведь? — прошептала я.

Я знала, что брат хорошо понимал, о какой дыре речь. Стив рассказывал, что как-то раз и Дэйтон бегал с ними, но я никогда его об этом не спрашивала и сейчас тем более не хотела уточнять при маме. Нам абсолютно не нужен очередной приступ истерики.

— Это недалеко от старой церкви. Дотуда минут пятнадцать пешком, — объяснил Дэйтон, не боясь, что мама что-то заподозрит. Неудивительно, в таком-то состоянии.

Она действительно выглядела как призрак и лишь на мгновение оживилась, когда Дэйтон взял ее за руку. У них произошло что-то вроде немого диалога, ведь мама ни слова не проронила после выхода из ванной.

Здания, вдоль которых мы пробирались, вмещали больше людей, чем предполагалось их создателями. В одной старой книжке говорилось, что раньше каждый такой дом принадлежал лишь одной семье. С ума

же сойти! Целый двух- или трехэтажный дом — всего для одной семьи. Оттуда же я узнала, что раньше люди любили заводить питомцев, и у каждого члена семьи была своя комната (у некоторых даже несколько комнат: в одной человек спал, в другой работал, в третьей обедал с семьей). Для гостей, которые приходили на какой-нибудь праздник, тоже была отдельная комната. Если честно, в это верилось с трудом. Учитывая, что с тех пор прошло всего двадцать два года... Это вся моя жизнь, а я не считала ее длинной.

Хотелось бы родиться пораньше, чтобы застать те волшебные времена, но я появилась на свет именно в год Катастрофы. Данный факт приравнивался к чуду, потому что, как нам говорили в школе, выжили только самые сильные, быстрые и умные. Мне неоднократно твердили, что выжившая в год Катастрофы беременная женщина, еще и вскоре родившая здорового ребенка, — это сказочное явление и что я должна ценить каждый момент своей жизни и благодарить родителей. Было очевидно, что я не последовала ни одному из этих советов.

Мы крались уже минут десять и пока никакого движения на улице не заметили. На самом деле, все вокруг выглядело тихо: пустая широкая дорога, дома по обеим сторонам. И если бы не приглушенные настенные светильники вдоль тротуара, то нас бы вдобавок к тишине окутала и кромешная тьма. Они, конечно, горели для патруля или безопасников, но благодаря этим лампочкам нам не пришлось включать фонарики.

Несмотря на то что ни на улице, ни в окнах не было ни единой души, меня не покидало ощущение чужого взгляда. словно все люди вымерли и их призраки неотрывно следили за нами взглядами.

Вся Сфера казалась единым организмом, который любит поиграть со своей жертвой, прежде чем проглотить ее. Тишина и безлюдье, запах страха и пыли — эти

обязательные атрибуты Сферы давили на меня, разжигая ужас.

Проходя дом за домом, я невольно отмечала места, куда можно было вжаться, если вдруг появится патруль. Но позади осталась уже половина пути, а никто — ни мертвец, ни безопасник — на нас так и не набросился.

Осталась всего пара домов, большой перекресток, затем разрушенный забор со старой церковью и за ней — долгожданная прореха в безупречной стене. Как дар для хулиганов и нарушителей порядка... и для нас.

Я прокладывала путь самая первая. За мной шли брат и мама, которые так и продолжали держаться за руки после выхода из дома. Стыдно признаться, но я ревновала из-за этого. И даже не знаю, кого к кому, ведь выглядело так, что они вместе, а я сама по себе. К маме претензий не было — она никогда меня не любила, — а вот брат, как я считала, больше привязан ко мне, чем к ней.

Мама выглядела как статуя: бледное мраморное лицо с остекленевшим взглядом. Она всегда была главной и постоянно делала из меня козла отпущения, но сейчас я жалела ее. Какая-никакая, но эта женщина была моей семьей.

Погрузившись в мысли, я сама не заметила, как замедлила шаг.

— Что такое? Патруль? — насторожился Дэйтон.

— А? Нет! Просто... задумалась, — пробурчала я.

— Очень вовремя, детка! — фыркнул Дэйтон. —

А ты не могла бы позже заняться этим дерьмом, раз уж втянула нас в приключения?! Давай дойдем до пункта А, а после вместе подумаем о жизни, идет? Теперь двигай задницей, черт возьми! — Он практически орал шепотом.

То, как мой братик справлялся с пневмонией и стрессом, не могло не восхищать. Находясь на грани обморока,

да еще и с полуживой мамой позади, он умудрялся дер-
зить. За это я его и любила.

Дойдя до угла последнего дома перед большим
открытым перекрестком, я запаниковала. Мы на нем
будем как в чистом поле среди ясного дня, но по-дру-
гому не пройти.

— Я первый, — шепнул Дэйтон и обошел меня.

Пришлось перехватить у него мамину ладонь. Ска-
зать, что мне стало неловко от этого, — ничего не ска-
зать. Но мама будто и не заметила подмены.

Дэйтон прошел вдоль дома и, оглядев перекресток
из-за угла, прошептал:

— Вроде никого, но я не вижу вдали. Там нет фо-
нарей.

— Хорошо! Идем! — так же приглушенно отве-
тила я.

— Стой! Через перекресток мы побежим, дальше
пригнемся около того забора. — Он указал на противо-
положную сторону. — Если все будет тихо, то обходим
забор и включаем фонарики. Там темно, как в заднице.
Без света не пройдем.

— Какое интересное сравнение ты употребил.

— Заткнись! — прошипел он хриплым голосом.

У меня вырвался нервный смешок, выдавая насто-
ящий ужас. Теперь мне стало действительно страшно.
То ли реакции запоздалые, то ли вся правда наше-
го побега только что нещадно обрушилась на меня,
но правда была в том, что я уже не считала уход
из Сферы наименьшим из зол... учитывая, ЧТО нас ждало
за стеной.

Собрать себя в единое целое оказалось трудно, ведь
паническая дрожь захватывала мое тело сантиметр
за сантиметром. Единственное, что не дало расплакаться
прямо здесь, — это Дэйтон. Подставив его под угрозу
казни, я не посмела сказать сейчас, что не могу сделать
следующий шаг.